

Этот вопрос застал Джонатана врасплох. Мистер Гудвин словно был осведомлен об истинном положении дел, что не могло не настораживать. При этом в его голосе прозвучала какая-то детская обида с примесью угрозы.

— Так что? Вы решили заглянуть к старине Гудвину только потому, что никого другого не осталось?

Обвинения мистера Гудвина Джонатану не понравились. И уж тем более он был не намерен оправдываться. Хозяин лавки вел себя очень странно — будто винил его в чем-то.

— Мне всего лишь нужна была игрушка. Простите за беспокойство. Хорошего вечера.

Джонатан уже взялся было за дверную ручку, когда хозяин лавки неожиданно произнес:

— Пойдите-ка. Думаю, у меня все же кое-что найдется для вас.

Джонатан в недоумении обернулся:

— Но вы же сами сказали, что ничего нет. Что «всё раскупили к праздникам».

— Я сказал «видимо», — заметил мистер Гудвин.

— То самое «видимо»?

— Подойдите.

Подходить к этому странному хозяину лавки желания не было, но Джонатан пересилил себя и двинулся по проходу между стеллажами к стойке. Приблизившись, он отметил заплаты на фраке, дыры от моли на двуголке мистера Гудвина, а еще во всех подробностях рассмотрел его маску: нос-клюв, острый подбородок, чернеющую прорезь рта, похожую на улыбку от уха до уха. При этом он уловил исходящий от него запах... кисловатый запах плесени.

— Расскажите мне о вашем сыне, — не терпящим возражений голосом потребовал хозяин лавки. — Я должен знать, подойдет ли он моей игрушке.

— Вы имели в виду, подойдет ли ему ваша игрушка?

Мистер Гудвин не ответил. Рассказывать о сыне этому типу Джонатану хотелось меньше всего, но он понимал, что тот не сдвинется с места, пока не узнает все, что его волнует.

— Моего сына зовут Калев, и ему сегодня исполнилось восемь лет. Он очень смысленный, учится в школе.

— А что насчет отметок?

— Учителя не жалуются.

— Но и не хвалят? — уточнил мистер Гудвин.

— Зачем все это нужно? — раздраженно спросил Джонатан.

— Таков порядок. Я всегда интересуюсь, к кому попадают мои игрушки. Это важно. Я сам их делаю — понимаете ли, они мне как дети. Ваш сын хорошо себя ведет? Или же таскает кошек за хвосты, топчет жуков, играет со спичками? Может быть, он ломает игрушки?

— Что? Нет! Калев очень добрый и хорошо воспитанный ребенок. У него целый сундук с игрушками, и ни одна не сломана. Смею заверить вас, мистер Гудвин, ваша игрушка окажется в хороших руках.

Хозяин лавки молчал, словно раздумывая, и при этом постукивал пальцами по старой книге учета. Что именно в эти мгновения происходит на его лице, было непонятно. Джонатан вдруг поймал себя на том, что не видит его глаз в прорезях маски, и ему почудилось, что под костюмом у того пустота.

— Что ж, — наконец сказал мистер Гудвин. — Я узнал достаточно. Ждите здесь.

После чего развернулся и скрылся за невысокой дверкой.

Джонатан остался в лавке один, и ему стало совсем не по себе. Фитиль в лампе догорал — скоро здесь все погрузится в темноту. Даже думать об этом было страшно — кто

знает, что на уме у мистера Гудвина и какой фокус он выкинет?

В нетерпении покачиваясь с носков на пятки, Джонатан глядел на дверку, ожидая, когда же та откроется.

В голову лезли непрощенные мысли об этом странном человеке. Зачем ему маска? К чему были его вопросы? Почему он говорит так... театрально?

Весь имевший место разговор походил на какую-то пьеску, разыгранную на подмостках провинциального балаганчика, а сам Джонатан чувствовал себя против воли втянутым в некий спектакль.

Лавка игрушек без игрушек в глубине переулка... скрывающий лицо хозяин... мудреные реплики вместо нормальной человеческой речи...

Джонатан все гадал, что же за игрушку предложит ему мистер Гудвин, и чем больше он об этом думал, тем сильнее его одолевало подозрение: кажется, хозяин лавки решил всучить ему какой-то хлам!

«Не попадись, Джонатан! — предостерег он себя. — Этот торгош понял, что ты отчаялся и купишь все что угодно. Кaleb заслуживает хорошего подарка. А вовсе не такого, как этот черствый Гудвин живописал: выбранного в спешке и...»

Дверца скрипнула. Мистер Гудвин вернулся. Увидев то, что сидело у него на руках, Джонатан почувствовал, как дрогнуло сердце: все его мрачные догадки подтвердились.

Это определенно было то, что при других обстоятельствах он ни за что не стал бы покупать, и, без сомнения, то, о чем он мог пожалеть, вздумай принести это домой.

— Вы можете его упаковать? — спросил Джонатан и тяжело, с внезапно подступившим ощущением совершаемой ошибки, вздохнул.

Если сравнить Саквояжный район Тремпл-Толл, собственно, с саквояжем, который забит различным хламом, то квартирка № 24 на Каштановой улице представляла бы собой какую-нибудь крошечную вещичку на его дне. Пришлось бы достаточно покопаться, чтобы ее отыскать. И дело вовсе не в том, что она пряталась, — о нет! — скорее, она просто была незаметной и совершенно неотличимой от прочих.

Коричневая дверь с едва читаемым номером и разбитым фонарем над ней была точно такой же, как и другие двери в этом доме. Она была такой же, как и двери дома напротив, и двери домов на соседней улице. Лишь престарелый почтальон мистер Лейни знал, кто здесь где живет.

На первом этаже квартирки, о которой идет речь, располагались кухня и гостиная, на втором — спальня и детская. Не очень просторное место, но довольно уютное.

Особенно этим вечером.

Горели едва ли не все лампы в доме, негромко мурлыкал радиофор. Кухня наполнилась жаром, а в воздухе висела мучная пыль — в печи как раз подходили пироги.

Женщина в переднике суетилась возле нее и время от времени тревожно поглядывала на часы, висевшие на стене гостиной. Ее муж задерживался...

Он, разумеется, знал, что сегодня не обычный день, поэтому его отсутствие было вдвойне странным и тройне ее беспокоило. Помимо прочего, погода разыгралась не на шутку. Туман к ночи стал настолько плотным, что от него можно было отрезать кусочек, а затем сварить из этого кусочка пудинг.

Каждый раз, когда до женщины в переднике доносился отдаленный вой со штормовых бакенов, она выглядывала в окно, постоянно забывая, что за ним уже давно ничего

не разглядеть. Пару раз она уже подумывала натянуть пальто, взять фонарь и выйти на улицу, пройтись до угла и обратно, но пока что пироги, за которыми нужен был глаз да глаз, требовали всего ее внимания.

Женщину эту звали Марго Мортон. Она жила в доме № 24 на Каштановой улице вместе с мужем Джонатаном, который временами вел себя как самый настоящий ребенок и никогда не давал ей скучать, и сыном Калемом, который каждый день находил новые способы ее удивить. И хоть Марго не была дерганой, нервной особой, склонной к паранойе, если что-то идет не так, — сейчас ей то и дело представлялись различные ужасы, которые могли приключиться с Джонатаном на предштормовых улочках Саквояжного района.

Несмотря на то что Тремпл-Толл был совершенно не похож на скрючившийся за каналом захолустный район Фли, напасти и невзгоды здесь также подстерегали на каждом углу, только зазевайся. Мошенники, приставучие нищие, грабители, злобные полицейские, различного рода сумасшедшие, бродячие собаки, да и просто выбоины под ногами. Здесь могло приключиться что угодно. А Джонатан был как раз из тех, с кем то и дело что-то приключалось. Еще и этот туманный шквал...

Когда раздался знакомый скрип ключа в замочной скважине, входная дверь открылась, а в прихожей, фыркая и отплевываясь от тумана, появился Джонатан, Марго почувствовала, как с души свалился тяжеленный чугунный якорь, и вздохнула с облегчением.

— О, мгла поселилась и у нас! — констатировал Джонатан с улыбкой, увидев замершую в мучном облаке супругу.

Марго вытерла руки о передник и, поджав губы, надела мужа требовательно-вопросительным взглядом, в котором застыл немой укор: конечно же, он все на свете

забыл! В понимании Марго «всё на свете» — это восьмой день рождения их сына, а еще это подарок, который Джонатан должен был купить. И это несмотря на то, что она ему напоминала. Говорила накануне: «Не забудь!» Написала сиропом на утренних блинчиках: «Не забудь!» Отправила в полдень ему в контору по пневмопочте записку: «Не забудь!» Но он все равно забыл! Ох, это так в его духе!

Тут на лестнице раздался топот, и вприпрыжку в гостиную спустилось растрепанное и немного сопливое русоволосое существо в шерстяных гетрах, клетчатых бриджах на подтяжках и криво застегнутой рубашке. Соскочив с последней ступеньки, существо со смехом и радостным визгом «Папа пришел! Папа пришел!» ринулось в прихожую.

Лишь завидев отца, мальчик окинул его взглядом опытного сыщика, но ему предстали лишь пропитанное туманом пальто, старый отцовский портфель и грустная бесподарочная пустота.

Джонатан снял котелок и повесил его на вешалку. Туда же переместилось и пальто.

— Папочка, ты что, мне ничего не купил? — жалобно спросил мальчик.

Джонатан бросил взгляд на Марго, которая осуждающе покачала головой, и заговорщически подмигнул ей. Это его подмигивание стало для нее вдруг теплее любых утешительных объятий, и она поняла, что он что-то затеял. Ох, это так в его духе!

Джонатан наклонился к сыну:

— Ты хорошо себя вел, Кaleb?

— Да-да! Я хорошо себя вел! — Пытаясь придать словам как можно больше убедительности, мальчик едва ли не подпрыгивал на носочках.

Джонатан поглядел на Марго:

— Он хорошо себя вел? Ни в жизнь не поверю!

Марго рассмеялась и сказала:

— Ну, в сравнении с гремлинами вел он себя не так уж и плохо.

Джонатан кивнул и уже собрался было что-то сказать, как вдруг настороженно замер. В квартире поселилась не предвещающая ничего хорошего тишина — даже радиодинамик неожиданно смолк, лишь тикали настенные часы в гостиной да гудел огонь в кухонной печи.

Марго недоуменно поглядела на мужа, а Калев непонимающе открыл рот. Джонатан поднял руку и медленно повернулся к двери.

— Вы слышите? — спросил он негромко. — Мне кажется, я слышу шорох. Как будто кто-то скребется в дверь. Слышите?

Марго и Калев прислушались. Мальчик так напрягал слух, что даже покраснел.

— Я ничего не слышу, — прошептал он.

— Ну нет! — воскликнул Джонатан. — Говорю вам: кто-то точно скребется в дверь. Кто бы это мог быть?

Не прибавив больше ни слова, он шагнул к двери и распахнул ее. В дом тут же пополз туман, а за ним и запах старого отсыревшего башмака, выловленного в какой-нибудь канаве. За дверью было сплошное белесое марево.

Джонатан наклонился и нырнул головой в туман, словно тот, кто, по его словам, скребся в дверь, был исключительно низенького роста.

Калев испуганно взял маму за руку. Предчувствуя неладное, Марго нахмурилась. Она знала: неладное весьма в духе Джонатана.

Тем временем Джонатан обернулся, с улыбкой поглядел на Калеба, а затем, словно фокусник, извлекающий кролика из шляпы, достал из тумана большую коробку.

Марго поморщилась — устроил тут целое представление! Ну, хоть про подарок не забыл. И все же... Ее смутило, что коробка эта совершенно не похожа на праздничную. Скорее, она выглядела так, словно о ней давным-давно забыли и до сих пор не вспоминали, пока зачем-то не решили вытащить из подвала. В боку дыра, бечевка вот-вот истлеет прямо на глазах, никаких тебе лент, никакой упаковочной бумаги. Просто пожелтевший от времени и набравший туманной сырости картон с отчетливым запахом крыс.

— Что там внутри? — взволнованно спросил Кaleb.

— Хм! — произнес Джонатан и вместе с коробкой двинулся в гостиную. Сын потопал следом. Марго, вздохнув, затворила входную дверь и присоединилась к ним.

Джонатан поставил коробку на пол возле журнального столика, на котором громоздился вновь оживший радиофор. Мальчик забрался с ногами на стул и, затаив дыхание, принялся наблюдать за каждым движением отца.

Вооружившись ножницами, Джонатан начал перекусывать бечевку, и в тот момент, когда она спала, — Марго могла бы в этом поклясться! — в коробке что-то негромко скрежетнуло...

Кaleb сегодня получил несколько просто изумительных подарков.

С самого утра по почте приходили бандероли от бабушек, дедушек и всяких дальних родственников. Мальчик лично встречал ворчливого старика-почтальона у двери, вручал ему за каждую посылку выданный мамой пенс на чай и говорил: «Большое спасибо, мистер Лейни!» — после чего бежал в детскую и в нетерпении распаковывал посылки. Он был счастлив, и его настроение не смогла испортить даже скучная и занудная тетрадь, которую подарила сестра его мамы, строгая тетюшка Джеральдин.

Весь день Калев играл с подарком от мамы, заводным дирижаблем «Эринхарт». Тот поднимался на пару футов над полом и жужжа курсировал по комнате, пока завод не сходил на нет, — и тогда крошечный аэростат плавно опускался на ковер. Прочие игрушки тоже были прекрасны, чудесны, восхитительны, но ни одна из них ни в какое сравнение не шла с тем, что подарил мальчику папа.

Малыш Кобб. Так его звали. По крайней мере, это имя значилось на потрепанной бирке, прицепленной к тонкому деревянному пальцу.

Малыш Кобб был куклой с бледным, как у трупа в сахарной пудре, лицом, а его прическа вообще походила на сумасшествие. Большие круглые глаза Малыша Кобба глядели на семейство Муртонов пристально и будто бы с насмешкой. На его резных губах застыла нестираемая ухмылка, да и в целом папин подарок выглядел так, словно задумал неладное.

Весь вид куклы таил в себе угрозу — Марго сразу это почувствовала. И в какой-то момент ей показалось, что деревянный человечек прекрасно понимает ее тревогу — оттого и ухмыляется.

— Какая жуть, — проворчала она, не в силах отвести взгляд от куклы, когда Джонатан только вытащил ее из коробки. — Это так в твоём духе — подарить ребёнку подобное страшилище.

— А вот он и не страшилище! — возопил Калев. — Это самый лучший, самый замечательный подарок! Он... такой большой...

Кукла действительно была довольно большой. Когда ее поставили на пол и распрямили, оказалось, что она одного роста с Калевом, а учитывая ее торчащие кверху рыжеватые волосы — и того выше.

— А какой у него костюмчик! — восхищенно добавил мальчик.

Одет Малыш Кобб был как самый настоящий маленький джентльмен: рубашка с запоночками, брючки в тонкую белую полоску, такая же жилетка, имелся даже галстук. Лакированные туфельки очень походили на те, что сам Калев надевал в школу, — только они были не в пример, что странно, лучше и дороже. Если бы не пыль, которая покрывала Малыша Кобба с ног до головы, то можно было бы даже предположить, что в этой гостиной он одет изысканнее всех. Но да, пыль все портила.

— Сейчас мы его почистим, — сказал Джонатан. — Тащи-ка сюда одежную щетку, Калев.

Мальчик соскочил со стула и ринулся в прихожую за щеткой, а Джонатан поднял глаза на Марго, всем своим существом чувствуя пронизывающий его осуждающий взгляд.

— Он похож на какой-то чердачный хлам, — прошептала Марго, чтобы Калев не услышал.

— Малыш Кобб долго пылился в лавке игрушек мистера Гудвина, — негромко пояснил супруге Джонатан, — никто его не покупал...

— Удивительно просто, — проворчала Марго. — Посмотри только, какой у него злобный взгляд. Если бы кто-нибудь подарил что-то подобное одному из сыновей Джеральдин, ее бы удар хватил.

— Но ты ведь не Джеральдин, — веско заметил Джонатан, и осуждающий взгляд супруги чуть потеплел.

— Что ж, — сказала Марго, — ясно, почему его не покупали. Этот Малыш Кобб выглядит так, что, наверное, при одном только взгляде на него в слезах начинали биться не только дети, но и их благочестивые мамы из Клуба благочестивых мамаш.

Марго относилась с изрядной долей снисхождения к выскомерным габенским дамам, которые неукоснительно

и до боли дотошно следуют всем-превсем правилам, ходят, высоко задрав нос, читают прочим лекции и мнят себя не менее чем профессорами по предмету «Воспитание чада. Академический курс». Она считала, что внутри у этих женщин живут подлинные плутовки, которых те сами стыдятся и всячески скрывают. Марго изо всех сил пыталась не походить на них, поэтому временами была с Калемом мягка, позволяла ему иногда просто побыть ребенком, в отличие от тех матерей, что либо пылинки сдувают со своих детей, либо с младенчества пытаются воспитать из них идеальных механических автоматов. Ее старшая сестра Джеральдин, к слову, была как раз из последней категории, и отчасти поэтому их с Марго отношения напоминали натянутую ниточку, которая могла порваться в любой момент. Все усугублялось тем, что Джеральдин искренне не любила Джонатана и его склонную к непоседливости, рассеянности и некоторому авантюризму натуру. Впрочем, отчасти именно за все эти вещи сама Марго его и любила. Притащить домой жуткую пыльную игрушку, сделанную, вероятно, намеренно, чтобы пугать, мог догадаться лишь Джонатан; и Марго вдруг поймала себя на том, что совсем не злится на супруга, а, наоборот, считает его выходку хоть и глупой, но в чем-то даже забавной.

— Папа, держи! — Калек вернулся со щеткой.

— Ну что, Малыш Кобб! — театрально провозгласил Джонатан, нацеливая щетку на куклу, словно револьвер. — Я вызываю вас на чистильный бой! Это дуэль, сэр! И она продлится до тех пор, пока вы не будете вычищены как следует!

Калек рассмеялся, и Джонатан принялся возить щеткой по одежде куклы, по ее здоровенной голове и топорщащимся волосам. Пыль поднялась на всю гостиную.

Калеб расчихался, а Марго возмущенно завопила, чтобы Джонатан чистил «это чучело» в прихожей, поэтому никто не услышал, как чихнул Малыш Кобб.

— Нас выгоняют! Нас выгоняют! — с деланным ужасом воскликнул Джонатан, и Калеб снова рассмеялся.

— Вот именно! — задорно сказала Марго. Порой Джонатан подавал сыну не лучший пример, но он всегда мог его рассмешить, он был добрым человеком, и, глядя, как он несет Малыша Кобба в прихожую на руках, будто короля, распевая песенку «Важные персоны — дырявые кальсоны», а Калеб прыгает вокруг и подпевает, ее сердце наполнилось нежностью.

— Ой, пироги! — воскликнула Марго и ринулась к печи...

Вскоре пироги заняли почетное место на столе, а Малыш Кобб был приведен в какой-никакой порядок и усажен на стул в гостиной.

Калеб взял куклу за руку. Малыш Кобб чуть накренился, и внутри у него что-то гроыхнуло.

— Должно быть, какая-то деталь отвалилась, — сказал Джонатан и добавил, тихонечко обращаясь к Марго: — Мистер Гудвин, хозяин лавки, кажется, был рад избавиться от этой куклы. Видимо, она сломана.

Последнее мальчик услышал.

— Нет! Она не сломана! Она хорошая!

— Утром я посмотрю. Может, получится приклеить то, что там отвалилось.

— Можно я с ней пока поиграю? Ну пожалуйста! Я недолго! Честно! Совсем немножко!

— Уже так поздно... — начала было Марго.

— Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Джонатан и Марго переглянулись.

— Ну ладно, — сказала Марго. — Но как только я велю тебе идти спать, ты тут же гасишь свет. Договорились?

— Да-да!

— Хорошо. Джонатан, отнеси Малыша Кобба в комнату Калеба. Он слишком тяжелый.

Подмигнув ей, Джонатан поднял куклу на руки и направился к лестнице, декламируя хриплым голосом старого морского волка:

— Мы отбываем в дальнее плавание, до самой детской! Задрать люки! Поднять перископы! Покормить мышей!

— Каких еще мышей? — со смехом спросил не отстающий Калев.

— Всяких мышей! Голодных! — веско заметил Джонатан, и они скрылись на втором этаже...

Когда он вернулся в гостиную, Марго обняла и поцеловала его.

— Ты молодец, — сказала она. — Он так счастлив. Кто бы мог подумать, что этот странный Малыш Кобб станет таким замечательным подарком.

Джонатан улыбнулся и поцеловал жену. Он и сам был рад, что мистер Гудвин оказался неправ, а вся его теория о подарках, купленных в последний момент, не стоила и выеденного яйца.

— А какой пирог вкусный? — спросил он и втянул носом душистый аромат, висевший в гостиной. — С рыбой? Или с грибами?

Марго поглядела на него с наигранной обидой.

— Они оба вкусные! — заявила она.

В детской горел камин. Тени от огня танцевали на стенах и потолке, вырисовывая на них таинственные узоры, похожие то ли на птичьи когти, то ли на вязь причудливого языка. Шторы были задернуты. За окном бушевал туманный шквал, и сирена потонула в нем, как в мешке.

Калеб давно переоделся в свою голубоватую полосатую пижаму, правда, находился он отнюдь не в кровати. Время было позднее, и мама уже трижды велела ему идти спать, но как он мог лечь и уснуть, когда здесь такое происходило!

Всякий раз, как Калеб забирался в постель и клал голову на подушку, его взгляд натывался на Малыша Кобба, который сидел на ковре в центре детской.

Малыш Кобб был очень недоволен тем, что его оставляют, он обиженно складывал руки на груди и принимался канючить:

— Ну давай, поиграй со мной, не ложись спать. Все равно никто не узнает. Давай поиграем еще немножко.

Поддаваясь его увещаниям, мальчик послушно выбрался из-под теплого одеяла, сползал с кровати на ковер и включался в игру.

Разумеется, Калеб понял, что Малыш Кобб живой, сразу же, как только папа вытащил его из коробки.

В тот миг он просто не мог поверить своему счастью. Девочке из его школы, курносой Глэдис Хейл, родители однажды подарили живую куклу по имени Сюзанна, и Калеб ей очень завидовал. Глэдис же ее кукла быстро наскучила, и она отослала ее своей кухне в другой город. Калеб эту курносую Хейл не понимал: он часто мечтал о том, что и ему дарят деревянного друга, воображал, как они играют вместе, гуляют, придумывают различные интересные штуки, — как такое может наскучить?!

Само собой, он был уверен, что ему никогда не подарят ничего подобного, потому что у его родителей нет столько денег. Мама однажды сказала, что такие куклы очень редкие, очень дорогие и это отнюдь не игрушки. Так что Калеб едва не умер от восторга, когда увидел Малыша Кобба. Он и представить себе не мог, чего папе стоило добыть такой подарок, и боялся даже предположить, сколько он потратил на него

денег. Мама, в свою очередь, конечно же, злилась — наверное, этот Малыш Кобб стоил целое состояние.

Кажется, Малыш Кобб стеснялся маму и папу и поэтому в их присутствии не подавал вида, что он живой. Но лишь стоило двери детской за папой закрыться, как тут же поднял голову, уставился на мальчика и спросил хриловатым, но при этом тоненьким голоском:

— Это моя новая комната?

Калев сжал кулачки от восторга и кивнул.

— Ты будешь жить со мной! Будешь жить со мной! — От нахлынувших чувств мальчик попытался обнять своего нового друга, но Малыш Кобб отстранился.

— У меня правило — никаких объятий! И никаких... фу... тьфу... поцелуйчиков!

— Что? — оскорбился Калев. — Я что, какая-то девчонка? Нет у меня никаких поцелуйчиков!

— Глупые девчонки, — кивнул Малыш Кобб. — Глупые поцелуйчики.

— Хочешь посмотреть, как летает мой новый дирижабль? — предложил Калев.

— Угу.

Мальчик несколько раз крутанул ключик, поставил дирижабль на ковер — и спустя мгновение тот взлетел. Краснозолотой аэростатик принялся кружить по комнате, жужжа и стрекоча. Малыш Кобб попытался отогнать его рукой. Его раздражало это мельтешение.

— Ничего особенного! — презрительно заявил он. — Глупая финтифлюха!

— А вот и нет! — обиженно сказал Калев. — Он замечательный!

— Нет, он глупый. Вот я летал на настоящем дирижабле!

— Врешь! — воскликнул мальчик. Глаза его едва на лоб не полезли.

Дирижабли были страстью Калеба: он мечтал однажды стать капитаном летающего судна и отправиться на нем в дальние страны, чтобы пережить там невероятные приключения. Сам-то он никогда не летал на дирижабле, хотя часто видел их огромные дымные туши, лениво ползущие по небу, видел пришвартованный на площади Неми-Дрё «Воблиш», а однажды на крышу школы ненадолго приземлился небольшой почтовый дирижабль — впечатлений хватило на неделю. Мама обещала, что, если он закончит этот год по всем предметам с отметками «Без нареканий», она купит для них троих билеты до парка Элмз. И Калёб, вылезая вон из кожи, добывал хорошие отметки, а еще очень переживал из-за плохих.

— Ничего я не вру! — Малыш Кобб тем временем подпер острый подбородок деревянной ладонью и лениво постучал длинными пальцами по скуле. — Я летал на настоящем дирижабле! Один раз. Хотя я и сидел в чемодане, но все видел через дырку в крышке. Там были красные ковры и бархатные шторы, а еще полированные золоченые перильца и обтянутые кожей сиденья. И там подавали яйца всмятку. И ходили всякие служители в форме. Меня выпустили только один раз. В каюте. Но я ничего там не успел рассмотреть. Мне велели залезть в крошечный проем воздуховода и перебраться в соседнюю каюту. Там был этот мерзкий Мистер Толстяк. Он спал и отвратительно храпел. Хотелось его задушить. Но мне запретили его душить, потому что могли остаться следы, и я просто обтер ему лицо мокрым платочком, который мне всучили. А потом я вернулся, и меня снова посадили в чемодан.

Калеба совершенно не впечатлила история о каком-то храпящем толстяке — его больше интересовали дирижабли. А еще он понял, что жизнь Малыша Кобба была очень насыщенной и состояла сплошь из приключений. Мальчик

стал допытываться, и Малыш Кобб сперва нехотя, а потом, увлекшись и сам, начал рассказывать о том, где был, что видел, каких людей встречал. И хотя он очень редко покидал лавку игрушек, ему было о чем рассказать.

Многого Кaleb не понимал, как будто какой-то взрослый вдруг решил поболтать с ним, как со своим старым приятелем, на свои взрослые темы, и все же он слушал раскрыв рот. Мальчик не замечал, что время уже перевалило за полночь, — просто слушал и боялся моргнуть, чтобы что-нибудь не пропустить. Поэтому даже вздрогнул, когда рассказ Малыша Кобба неожиданно прервали.

— Пора спать, Кaleb! Гаси свет! — раздалось снизу.

Малыш Кобб со скрипом повернул голову и уставился на дверь детской. После чего снова повернулся к мальчику.

— Не слушай ее, — посоветовал он. — Взрослые — такие злые и строгие. Как будто ты умрешь, если сейчас не пойдешь и не ляжешь спать. Ты же не умрешь?

— Наверное, нет, — ответил Кaleb. — Вряд ли.

— Вот видишь. Что она понимает!

И он продолжил рассказывать...

Поначалу истории Малыша Кобба были захватывающими. Он рассказывал о жизни на задворках старого кабаре и о прочих куклах, о том, какой он сам храбрец и интересная личность; и, пусть это немного походило на хвастовство и совсем чуть-чуть — на бессовестное хвастовство, Малыш Кобб был поистине чем-то совсем уж невероятным. Так, по крайней мере, казалось мальчику.

И все же постепенно Кaleb стал замечать, что в рассказе его нового деревянного друга появляется все больше мрачных и по-настоящему пугающих деталей. То и дело он упоминал какого-то... Хозяина. В его историях порой проskalзывало красивое, отдающее грустными нотками имя Сабрина, раз за разом всплывало то, как кому-то делают

больно... Малыш Кобб словно открывал один за другим внутренние ящички своей кукольной души, вытаскивая из них на свет все более неприятные подробности.

— Я люблю расхаживать повсюду голышом, — сообщил он. — И тогда Малыш Кобб становится Мистером Неглиже. А чинные костюмчики пусть поедаются молью в гардеробах. Не люблю свой костюм — вообще одежонку презираю.

По признанию Малыша Кобба, Хозяин издевался над ним — временами переодевал его в девичье платье, из-за чего он часами сидел в совершенно глупом и неподобающем виде, громко ругался и всех ненавидел. И тогда прочие куклы смеялись над бедолагой и унижали его. Помимо этого, за какую-нибудь провинность Хозяин мог, не усыпляя, разобрать его и разложить все его части в разных углах мастерской, и так он лежал дни напролет: нога в одном месте, рука еще где-то, голова бранится. И это, мол, было мучительно больно.

— У нас все строго, — подчеркнул Малыш Кобб. — Раздражаешь Хозяина — получаешь плеткой... Тебя били плеткой? Это очень неприятно.

А еще он рассказывал о каких-то жутких тварях, которые порой посещали Хозяина. Это были то ли черви, то ли спруты, сотканые из чернил.

— Да! И они носят людей как костюмы! Хотя, может, я это и выдумал. Не помню точно!

Слушая истории Малыша Кобба, Калевб неожиданно ощутил неподдельный страх. Он почти перестал дышать и шмыгать сопливым носом, а его сердце словно прекратило биться.

Малыш Кобб оказался если не подлинным злодеем, то как минимум фантазером с большим и очень темным воображением. Он рассказывал, как ябедничал и крал, как подставлял «эту глупую дуру в зеленом платье», постоянно

говорил, как он ненавидит Хозяина. Ко всему прочему, Малыш Кобб поделился «по секрету» тем, что больше всего ему нравится наблюдать, как Хозяин издевается над бедной Сабриной. В эти моменты, по его словам, он получал просто невиданное наслаждение и, если бы мог, с радостью подключился бы к пыткам.

Кaleb не замечал, что Малыш Кобб, смеясь и прибавляя к рассказу еще какую-нибудь отвратительную подробность из его богатой на мерзости жизни, играет его игрушками: взводит ключиком дирижаблик, крутит-вертит в руках деревянного солдата с нарисованными усами, грубо вминает пуговичный глаз в голову плюшевого медведя Бродди. И при этом порой скребет грудь, словно там, под рубашкой и жилеткой, что-то очень сильно чешется.

В какой-то момент Малыш Кобб пристально поглядел на Калеба, понял, что мальчик уже давно не шевелится, словно окаменевший покойник, и велел ему:

— Отомри.

И Кaleb действительно отмер. Дернул головой и чуть подался назад, не спуская испуганного взгляда с этой куклы и все силясь понять, как она вообще могла показаться ему хорошей.

Огонь в камине почти погас, и тени поднялись до потолка, словно в комнате вмиг вырос черный лес. В коконе из этих теней Малыш Кобб явно чувствовал себя увереннее — он ведь, если верить его рассказам, всю свою жизнь провел в темных, мрачных местах: в чемоданах, сундуках и чуланах, на чердаках и в подвалах. Он больше не выглядел угловатым и неловким — его движения стали плавными, даже скрип деревянных шарниров вроде бы перестал раздаваться. Лицо, которое прежде казалось Калебу очень задорным и забавным, теперь походило на искаженную

в гримасе рожу, не имеющую с человеческим лицом ничего общего.

Малыш Кобб презрительно оглядел мальчика с головы до ног и сказал:

— Хозяин говорит, что дети — совершенно бессмысленные существа. Полные ничтожества.

— Нет, это не так! — ответил Калев. И хоть речь к нему вернулась, прозвучали его слова жалко и неуверенно.

— Неужели? — спросил Малыш Кобб. — И что же ты умеешь?

— Ну, не знаю. Всякое...

Малыш Кобб, казалось, улыбнулся еще шире. Его голова была повернута таким образом, что лицо все утонуло в тени — из этой тени торчал лишь кончик его носа да проглядывали круглые глаза.

— Например? Высунь язык. Ты умеешь показывать язык?

— А зачем?

— Когда тебе кто-то не нравится, ты показываешь ему язык. Высунь язык!

— Но...

— Я тебе нравлюсь или нет?!

— Я н-не...

— Видно же, что не нравлюсь! Показывай язык! Немедленно!

Калев неуверенно сделал, что было велено, но Малыш Кобб одним движением подскочил к нему и схватил за язык.

— Больше показывай! Еще больше!

— Я йеее маау...

Калев заплакал. Малыш Кобб поглядел на него с отвращением.

— Не смей реветь! — прошипел он в самое лицо мальчика. — Иначе хуже будет!

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

